1797
РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

И. В. Бродский

НАРЕЧИЕ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

HERZEN

УДК 811.511.115
ББК 81.66
Б 88

Печатается по решению редакционно-издательского совета РГПУ им. А. И. Герцена

Рецензенты:
С. А. Мызников — чл.-кор. РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена;
О. Г. Купцова — кандидат филологических наук, доцент Межрегионального открытого социального института, Йошкар-Ола

Бродский И. В.

Б 88 Наречие в вепсском языке : монография / И. В. Бродский ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. — 134 с.

ISBN 978-5-8064-3331-3

В монографии рассматривается наречие как часть речи в вепсском языке. На материале всех диалектов наречие исследуется как в синхронном, так и в историческом аспекте. В работе изучается морфология, словообразование и синтаксическая роль данной части речи, а также исследуется история ее изучения.

УДК 811.511.115
ББК 81.66

ISBN 978-5-8064-3331-3

© И. В. Бродский, 2023
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2023
© С. В. Лебединский, оформление обложки, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение 5
1.1. Система транскрипции, применяемая в данной работе. . . . 6
1.2. Особенности системы глоссирования, применяемой в данной работе 7
2. Наречие в вепсском языке 9
2.1. Критерии выделения наречия как части речи. 9
2.2. Из истории изучения наречий в вепсском языке. 13
2.3. Источники рассматриваемой лексики 21
3. Морфология наречий 26
3.1. Существует ли в вепсском языке суффиксальное словообразование наречий?. 26
3.2. Словосложение как способ образования наречий 27
3.3. Наречные выражения 29
3.4. Адвербиализация как основной способ образования наречий. 29
3.5. Заимствованные наречия. 43
3.6. Сравнительная степень наречий 44
3.7. Употребление лично-притяжательных суффиксов с наречиями. 47
3.8. Наречия и послелоги (предлоги). 47
3.9. Местоименные наречия и местоимения 62
4. К семантике наречий 63
4.1. Лексико-семантические разряды наречий 63
4.2. Некоторые наблюдения за семантикой наречия в предложении 79
5. О функционировании наречий в вепсском языке (синтаксис и диалектная дистрибуция). 83
5.1. Синтаксическая роль наречий 83

5.2. Диалектная дистрибуция наречий 91
6. Заключение 94
Литература 96
П р и л о ж е н и е 1. Условные сокращения 99
П р и л о ж е н и е 2. Словарь наречий вепсского языка 102

2. НАРЕЧИЕ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Критерии выделения наречия как части речи

Наречие — незменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества, а также степень признака.

Наречия соотносятся с различными именами: чаще всего — с прилагательными, в других случаях — с существительными, местоимениями и числительными. Подобно прилагательным и некоторым существительным, наречия могут иметь сравнительную степень.

Выделение наречий в отдельную часть речи имеет различные основания. Однако каждый из критериев, лежащих в основе выделения частей речи, по отношению к наречиям не является безусловно действующим.

Основные из указанных критериев следующие:

1) морфологический: согласно ему, все части речи делятся на изменяемые и неизменяемые, а наречия относятся к неизменяемым частям речи (хотя некоторые из них могут образовывать формы сравнительной степени);

2) синтаксический: в составе предложения наречие всегда выступает в роли обстоятельства и связано с глаголом (а также вербоидами), прилагательным или другим наречием;

3) смысловой или семантический (тесно связан с синтаксическим): наречие обладает особым лексическим и классифицирующим значением — признаком действия или другого признака.

Первый из таких критериев — морфологический — возник в недрах индоевропейского языкознания, и потому уральские (а также алтайские) языковые явления поддаются ему с трудом. Особенность наречий — не только в вепсском, но и родственных языках — заключается в способе их образования (адвербиализации): почти все наречия в вепсском языке представляют собой имена, застывшие в определенных грамматических (падежных) формах. Таким образом, это часть речи в формально-морфологическом отношении несамостоятельна. Некоторые элементы (форманты) в наречиях истолковывались как словообразовательные, однако таковыми они в действительности, скорее всего, не являются; подробнее о них см. ниже, в главе 3. Исключение составляет

небольшая группа сложных по форме наречий, большинство их которых образовано при помощи модифицированной редупликации, например: kurči-märči, širi-šari. Некоторое количество вепсских наречий заимствовано из русского языка, например: darom, sdovol'no (zdovol'no), umorom.

Иначе говоря, почти в каждом вепсском наречии можно найти падежный показатель; несмотря на то что в этих случаях говорят о «застывших падежных формах», отграничить собственно наречие от имени в форме падежа бывает сложно. В связи с тем, что наречия включают падежные показатели имен, они могут не отличаться материально от имен в форме определенного падежа. Приведем в качестве примеров следующие предложения:

(1) Mehe-l ol-i roža **levedas**
Мужчина-ADES.SG быть-IMPF.3SG лицо широко
čihota-dud
расставлять-PPRT.PASS
У мужчины было лицо с широко расставленными

sil'mi-denke.
глаз-COM.PL
глазами [письм.]

(2) Neci-š **leveda-s** muhu-s om
Этот-INES.SG широкий-INES.SG улыбка-INES.SG быть.3SG

mi-dä-se grazi-ja-d.
что-PRTV-то угрожать-APRT.PRS-PRTV.SG
В этой широкой улыбке есть что-то угрожающее [письм.]

В данном случае в слове levedas выделяется показатель падежа инессив ед. числа, и материально оно в обоих случаях совпадает; однако синтаксическая роль levedas в этих предложениях различается — в первом случае это обстоятельство места, во втором — определение (это имя прилагательное).

(3) Lapse-d išt-tas **sel'gi-n'** i luge-tas.
Ребенок-NOM.PL сидеть-3PL **спиной друг к другу** и читать-3PL
Дети сидят **спиной друг к другу** и читают [письм.]

В слове sel'gin' выделяется показатель инструктива (в вепсском языке он имеет только форму мн. числа, поэтому мы не принимаем здесь во внимание категорию числа при глоссировании), это падежная форма существительного sel'g 'спина'. Любое имя в форме инструктива способно быть в предложении только обстоятельством; в связи с этим встает вопрос: уместно ли истолковывать его как наречие (что сделали, например, авторы СВЯ)? Как мы полагаем, sel'gin' — это все же падежная форма существительного, относящегося к основному лексическому фонду языка; передать ее на русском языке иначе, чем 'спиной друг к другу' [СВЯ: 535], невозможно. Иначе говоря, процесс адвербиализации в данном случае отсутствует. В то же время синонимичное южновепсское sel'gačk'i, несомненно, является наречием (мы помещаем в словарь вепсских наречий, приложенный к данной работе, и sel'gin', и sel'gačk'i, так как оба слова содержатся в СВЯ).

Итак, применение одного только морфологического критерия к выделению наречий в вепсском языке оказывается неэффективным, так как чаще всего они материально совпадают с падежными формами имен. Эффективнее выглядит его соединение с синтаксическим критерием, но и в этом случае, как мы видели в случае с sel'gin', истолковать принадлежность слова к конкретной части речи бывает затруднительно.

Мы полагаем, что к наречиям можно определенно отнести следующие слова вепсского языка:

1. Адвербиализованные имена, выполняющие в предложении функцию обстоятельства, содержащие падежный показатель, но *значение основ которых утеряно,* например, čuklos 'под водой', jorožō 'с журчанием', kubuu̯ 'на корточках', petkos 'нечаянно', sir'es 'близко, вблизи, рядом'. То, что некоторые из этих наречий могут соотноситься с глаголами, несущественно, так как в прибалтийско-финских языках падежные показатели не присоединяются напрямую к словоизменительным основам глаголов. Указанных слов, однако, в вепсском языке не так много.

2. Часть наречий может одновременно, в зависимости от их синтаксической роли, быть послелогами либо предлогами, например: edes 'впереди', 'перед'; jäl'ghe 'следом', 'вслед за...'; kohtas 'напротив', 'против'. Эта группа также очень немногочисленна.

3. Все наречия, в которых выделяется:

а) показатель вымершего падежа, например:

alaz ‘вниз’, ül’ez ‘вверх’;

б) комплекс из двух падежных показателей — независимо от исторического статуса падежей (живой либо вымерший), например:

odvašt’i ‘дешево’, sigäl’i ‘тем путем, по тому месту’, veret’i ‘рядом’, üuknaaut’i ‘под окном, под окнами’.

Группа 3 является наиболее многочисленной.

4. Слова неясной формы, выполняющие в предложении функцию обстоятельства, в которых затруднительно выделить как падежный показатель, так и показатели инфинитивов, например:

t’ändō ‘даром, просто так; иначе; зря’, uht’ei ‘зря, напрасно’, vähäkoz ‘маловато’, äkkid ‘вдруг, внезапно’.

5. Прямые заимствования из русского языка:

darom, krugom, lo̯u̯kas, naprasno, sdovol’no, vous’o.

6. Слова, подвергшиеся в процессе адвербиализации также и лексикализации, в результате чего значение полученного наречия отличается от материально идентичного имени в форме какого-либо падежа, либо инфинитива:

mahttę̄, pahoin’, r’indalę̄.

7. Наречия-композиты, в т. ч. продукты редупликации, например:

murn’in’iškoin’ ‘шиворот-навыворот’, ‘кувырком’

püštpörüžī̯n’ ‘в движении, в суете’

ühtoiktha ‘подряд, в один присест’.

8. По-видимому, наречиями следует считать и формы так называемого транслатива языка:

bepsaks, vepsäks ‘по-вепсски’, lüdikš ‘по-вепсски’, venäks ‘по-русски’.

Указанным «транслативным» формам не соответствуют никакие номинативные формы, а к их словоизменительным основам иногда способен присоединяться еще только показатель генитива единственного числа (vepsän, venän).

Современные словари финского языка однозначно характеризуют слова suomeksi, ruotsiksi, соответствующие данным выше вепсским словам, как наречия.

Таким образом, для выделения наречий имеют определенное значение все данные выше критерии, но при этом значение мор-

фологического критерия оказывается существенно меньшим, чем для русского языка и других флективных языков.

Особую проблему составляет отделение наречий от местоимений и местоименных слов; для вепсского языка она еще окончательно не решена, последствия чего наблюдаются, в первую очередь, в лексикографических работах.

2.2. Из истории изучения наречий в вепсском языке

Наречие как часть речи в вепсском языке никогда не исследовалось специально. В различных работах, посвященных грамматике вепсского языка, наречиям отводится, как правило, немного места. Тем не менее история изучения наречий в вепсском языке имеет довольно богатую историю. Ниже мы рассматриваем только основные работы по языку, в которых наречиям уделено существенное внимание, так как одно только перечисление множества статей, в которых затрагивается эта тема, заняло бы очень много места.

Первая работа по вепсскому языку — диссертация Элиаса Лённрота "On det Nordtschudiska Spraket" [Lönnrot, 1858]; к сожалению, в этом сочинении Лённрот ничего не написал о наречиях, тем не менее они встречаются в приложенных к работе образцах вепсской речи. В 1862 году вышла первая объемная работа, посвященная вепсскому языку с приложенным словарем [Ahlqvist, 1860]. Кроме того, что в этот словарь вошло множество наречий, этой части речи в работе посвящена целая небольшая главка [Ahlqvist, 1860: 77–78]. Она разбита на три раздела, в которых рассматриваются:

— наречия места (orts-adverbier);
— наречия времени (tids-adverbier);
— прочие наречия (andra adverbier).

Наречия места приводятся следующие:

> Kus, täs, täga, tägal (tägau), siga, siid, siš, nakka, kunna, tänna, sinna, nakkana, kus-päi, täga-päi, siga-päi, kugali, tägali, sigali, kuhu-sai, täga-sai, siga-sai, koje-kus, ni-kus, mujal, mujal-päi, kaikkial, kaiktä, kaikkial-päi, kaiktä-päi, ülähann, ülähale, ülähaks, ülähann-päi, alahann, alahale, alahaks, alahann-päi, edähann, edähaks, edähann-päi, lähenn, läsn, läsn-päi, edel, tagann, edeleze, tagaze, oigte, irdal (erdal), irdal-päi (erdal-päi), südames, südames-päi.

Наречия времени приводятся следующие:

Kons, siloi (silõi), ühtäi, kaikan, eglei, homenn, tänambäi, nügudi (nugudi), tanoi (tanõi), paksus, eräsašši, edel, ühtnägi, ühtnägoi, möhä, aigeiš, igaks, ezmäks, amu (amoi), möst, pigai, jo, jose, völ.

Прочие наречия:

Äi, äik, ku-vers, se-vers, lujas, ani, sdovol'no (zdovol'no), uhtei, kut, muga, ninga, hüvin, hubin, toišin, muite, mite, mihe, mikš, min tähta, sikš, sida med, sen tähta, ar'ni muga, heng-rist, mi, mil.

Почти все из перечисленных наречий можно найти в более поздних лексикографических источниках и изданных образцах речи. Но есть и исключения: ни в одном другом источнике не встречаются, например, ar'ni muga 'действительно, вправду', heng-rist 'то же; истинно', zdovol'no 'довольно, достаточно', läsn-päi 'из близи, с близкого расстояния'.

Принадлежность отдельных слов к наречиям неочевидна (мы бы отнесли их к классам местоимений и союзов).

А. Алквист собирал языковой материал как у северных, так и у оятских вепсов, и в приведенных списках встречаются наречия, явно записанные у представителей разных диалектов. Например, гемината **-nn** в конце слов, по-видимому, указывает на их северновепсское происхождение.

Агглютинаты -päi, -sai, как и элемент -vers (-verz' в современной речи), Алквист пишет через дефис (erdal-päi, siga-sai, ku-vers); агглютинат med он помещает вообще отдельно вслед за словом (sida med), хотя случай этот единичный и может быть опечаткой.

Обе работы (Лённрота и Алквиста) написаны на шведском языке; в словаре Алквиста также дан перевод слов на шведский язык. Если имеется финское соответствие, то дается и оно, а при русских заимствованиях — русский источник. В словаре можно найти больше наречий, чем в грамматическом разделе — как примеры, приведем слова: jalgai, kudan, vaitti. Напротив, подавляющее большинство наречий, включенных в грамматический раздел работы, в словаре отсутствует.

Таким образом, Аугуст Алквист — первый из исследователей вепсского языка, обративших внимание на наречие как часть речи. Он же первый сделал попытку классификации наречий по их значению.

Следующая хронологически работа по вепсскому языку принадлежит венгерскому лингвисту и этнографу Карою Уйфалви

(Károly Jenő Ujfalvy de Mezőkövesd). Это “Essai de grammaire Vêpse ou Tchoude du Nord”, краткая грамматика вепсского языка, написанная на французском языке.

Уйфалви, несомненно, побывал в экспедиции у вепсов, так как его перу принадлежит работа “Les Bachkirs, les Vêpses et les antiquités finno-ougriennes et altaïques, précédés des résultats anthropologiques d‘un voyage en Asie centrale” («Башкиры, вепсы и финно-угорские, а также алтайские древности, предваряющие антропологические результаты поездки в Центральную Азию»), являющаяся частью труда “Expédition scientifique française, en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan” (1880); большая глава этой работы *полностью* посвящена вепсам и их языку. Отдельная книга Уйфалви “Essai de grammaire vêpse ou tchoude du nord d‘après les données de MM. Ahlqvist et Lönnrot, par Ch. E. de Ujfalvy” вышла в 1874 году (на этот год издания ссылается и сам автор). Уйфалви был высококвалифицированным лингвистом, издавшим работы по фонетике финского языка (1876), грамматике финского языка (1876), грамматике венгерского языка (1876), а также сравнительную работу по финно-угорским языкам (1874). Название его книги по вепсскому языку скромно уточняет, что она написана по данным Лённрота и Алквиста, но знакомство с ней показывает наличие сведений, которых у предшественников Уйфалви нет. Так как автор побывал у вепсов, то он, очевидно, собирал у них языковой материал, относящийся к 1870-м годам. Карта, приложенная к изданию “Les Bachkirs, les Vêpses et les antiquités finno-ougriennes et altaïques...” показывает район экспедиций: это территория средних вепсов в нынешней Ленинградской области и отчасти в Вологодской области.

В “Essai” Уйфалви раздел о наречиях существует, однако является точным переводом грамматического очерка Алквиста 1860 г. Словарь, приложенный к работам Уйфалви, почти не содержит наречий — за редчайшим исключением (например, äi). По-видимому, такая часть речи не считалась автором достаточно самостоятельной и достойной помещения в словарь; возможно, причина этого и в своеобразии вепсских наречий, представляющих собой продукт адвербиализации имен. К. Уйфалви, воспитанный на венгерских грамматических традициях, относящих наречия к именам, вполне мог полагать, что достаточно поместить в словарь соответствующее имя, а наречие читатель сможет сформировать самостоятельно

(в современных словарях такова участь, например, прибалтийско-финских причастий и вербоидов). Подробное рассмотрение словаря Уйфалви не входит в наши задачи; отметим только, что, несмотря на ремарку "Ce vocabulaire composé d'abord d'après les données de M. Ahlquist a été complété et rectifié par nous lors de notre séjour dans le pays des Vêpses", сам словарь значительно отличается от работы А. Алквиста и в плане лексики, и по своей форме.

Следующим по времени издания словарем вепсского языка является учебный словарь письменного вепсского языка 1934 года [VVV]; прошло 60 лет исследований, и новый словарь был призван обслуживать советские школы. В нем содержится множество (десятки) наречий, то есть это первый значительный лексикографический источник по нашей теме. Кроме словаря, была выпущена краткая грамматика вепсского языка для школьных учителей [VKG 1934]. В этой «Грамматике» имеется специальный раздел, посвященный наречиям (с. 48). Строится он следующим образом: вначале дается определение наречия, выполненное в традиции советских учебников для начальной школы и отличающееся лишь своей пространностью (большой абзац, в котором указываются грамматические и синтаксические функции наречия, его неизменяемость, способность образовывать сравнительную степень). Далее, как и в предыдущих работах, наречия классифицируются по своему значению: образа действия, места, времени, количества, причины. К наречиям, впрочем, авторы причисляют и некоторые другие части речи (kuverz', severz', ka и др.). Так как «Грамматика» была призвана обеспечивать нужды письменного языка, то в числе примеров оказались наречия на -o, прямо заимствованные из русского языка (udarno, gorizontal'no, boiko и др.).

В период с конца XIX века до Второй мировой войны вепсов посещали различные экспедиции, в том числе активно собирался языковой материал. Единственным ученым, побывавшим у так называемых исаевских вепсов, был Я. Басильер. Исаевские вепсы — небольшая субэтническая группа, проживавшая в нескольких населенных пунктах к юго-западу от Каргополя на территории современной Вологодской области. Считается, что здешние вепсы обрусели уже в начале XX века, поэтому статья Басильера "Vepsäläiset Isaijevan voolostissa" [Basiljer, 1890] — единственная работа, в которой кратко описан исаевский диалект. На с. 74 этой работы

есть краткое упоминание о наречиях, а также приведены их примеры с переводом на финский язык: “*Adverbeja: kuna* kunne, *kunab* kusta, *ńakku* tuolla, *sigei* sinne, *sigau* siellä, *sigau-kai* sieltä, *ťägau* täällä, *ťägau-kai* täältä, *āmu* ammoin, *aigau* aikaisin, *harvou* harvoin, *mulloi* muinoin, *pian* piaan, *ťen* kerran, *v’ēdos* (*v.* вездѣ) kaikkialla”. Кроме этого, некоторое количество наречий можно найти в образцах речи и приложенном к работе словарике.

Выдающийся финский исследователь прибалтийско-финских языков Л. Кеттунен, несколько раз побывавший у вепсов, вел словарные записи, по-видимому, имея в виду возможность создания словаря. В настоящее время эти записи объединены в одну базу данных, размещенную в сети Интернет [Kett.]. База эта содержит большое количество наречий, записанных у представителей разных диалектов и говоров; в большинстве случаев при них даются соответствующие пометы. Вместе с более поздним большим диалектным Словарем вепсского языка [СВЯ] этот источник позволяет уточнить диалектную и ареальную картину дистрибуции большинства наречий.

Кроме сбора и публикации ценных образцов вепсской речи, Л. Кеттунен написал две важнейшие монографии: “Lõunavepsa häälik-ajalugu” («Историческая фонетика южновепсского диалекта», 1922, Tartu) и “Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus” («Исследование по синтаксису вепсских диалектов», 1943, Helsinki). В обеих работах рассматриваются наречия: в первой — в фонетическом аспекте, во второй — в синтаксическом.

Первая часть Lõunavepsa häälik-ajalugu посвящена рассмотрению консонантизма южновепсского диалекта. О наречиях автор говорит на нижепреведенных страницах.

С. 16. Рассматривается сочетание согласных hk в составе модеративных прилагательных и наречий, причем пример настоящего наречия дается только один — tänepähko ‘немного (несколько) в сторону’. В следующем разделе речь идет о метатезе hk > kh, которая иногда происходит в конце слов; здесь также приводятся в качестве примеров различные наречия: loi̯tokhos ‘далековато’, amukhošti ‘довольно давно’ и др.

С. 26. Рассматривая наречия вида čomas ‘красиво, хорошо’, välläs ‘слабо’, автор сравнивает их с наречиями вида čomašti , предполагая выпадение -t- в конце čomas, välläs. По-видимому, это неверно,